

Вопросы философии и психологии

Книга 134.

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Вопросы философии и психологии: Книга 134. / – М.: Книга по Требованию, 2011. – 218 с.

ISBN 978-5-458-04781-4

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04781-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Философія и исторія.

(Рѣчь) ¹⁾.

Существуетъ мнѣніе о философіи, довольно распространенное, въ нѣкоторыхъ кругахъ даже популярное, такъ что оно начинается уже звучать прямо какъ голосъ здраваго смысла. Это мнѣніе гласитъ: занятія философіей бесплодны и бесполезны,—едва не двадцать пять вѣковъ существуетъ философія съ претензіей на научное знаніе, и она не достигла ни одного всѣми раздѣляемаго положенія; философія есть только собраніе „субъективныхъ“ и случайныхъ мнѣній и построеній...

Однако именно философъ признаетъ, что такое сужденіе обнаруживаетъ одинаково неправильное пониманіе у его авторовъ, какъ научнаго знанія вообще, такъ и философіи въ особенности. Представленіе о наукѣ здѣсь складывается по одному только образцу ея,—математическому естествознанію, которое безъ всякаго основанія возводится во всеобщій и единственный идеалъ научнаго знанія. Особенности этого вида знанія заключаются въ томъ, что оно устанавливаетъ „законы“, механическія формулы, дающія намъ „предвидѣніе“, а цѣнность его—въ томъ, что благодаря „предвидѣнію“ оно служитъ нашему дѣйствованію, т.-е. въ концѣ-концовъ *техникѣ*. Въ представленіи же о философіи

¹⁾ Здѣсь воспроизводится въ основномъ вступительная рѣчь, произнесенная авторомъ въ публичномъ засѣданіи Историко-филологическаго Факультета Московскаго Университета 9 мая 1916 г. передъ защитой диссертации „Исторія какъ проблема логики“. Ч. I.

здѣсь игнорируется какъ-разъ одна изъ самыхъ древнихъ примѣтъ философіи: ея существенно діалектической характеръ. Діалектика, какъ методъ, есть методъ строгій и точный, — только это не строгость математическаго доказательства. Но, кромѣ того, діалектика, по опредѣленію Сократа, — *совмѣстное мышленіе*, *διδάσκος* въ самомъ подлинномъ и полномъ значеніи. Отсюда специфическія особенности философіи, рѣшительно ее отличающія отъ другихъ видовъ знанія. Какъ нельзя свести драматическое дѣйствіе къ монологу, такъ нельзя требовать отъ философіи, чтобы она была знаніемъ въ точности подобнымъ математическому естествознанію, чтобы ея цѣнность и ея смыслъ опредѣлялись технической приложимостью! Въ діалогѣ, въ жизненномъ дѣйствіи *personarum dramatis*, ея собственная жизненность, ея оригинальность, ея единственность въ сферѣ знанія. Философія — не наука въ смыслѣ механистическихъ формулъ и не искусство въ смыслѣ техники! Въ этомъ направленіи она, конечно, бесполезна, и въ этомъ направленіи она, конечно, не имѣетъ прочно установленныхъ, всѣми раздѣляемыхъ положеній!

Но почему же тогда для всякаго философа — одинъ образецъ, одно начало и одинъ неизсякаемый источникъ — *Платонъ*? Но почему даже для не-философа ясно, что Платонъ — типъ, идеаль, философъ *κατ' ἐξοχήν*, — *philosophus archetypus*? Откуда, при субъективности и случайности философскихъ мнѣній, такая устойчивость въ признаніи основнаго образца и мѣры? — Какъ все на свѣтѣ, философія пребываетъ, философія едина — не въ эмпирическихъ проявленіяхъ и „случаяхъ“, а въ своей *идеѣ*; Платонъ — ея воплощеніе!

И не трудно убѣдиться, что положительная философія, поставивъ вмѣстѣ съ Платономъ себѣ свои задачи, на протяженіи всей своей исторіи всегда идетъ въ одномъ направленіи, одушевленная одною цѣлью. Мѣнялись лица и сроки, языки и народы, а положительная философія осталась вѣрна своему началу и выковала свою прочную традицію. Не отъ Евклида, не отъ Архимеда, не отъ Птолемея, не отъ Гипо-

крата, не отъ Геродота, а только отъ Платона,—ясное свое-
образіе и единственность, явная невозможность смѣшать
философію съ иными видами и типами нашего знанія! И тутъ
самый надежный критерій положительной философіи...

И прежде всего по своему предмету и содержанію фи-
лософія отличается отъ остальныхъ видовъ знанія: всегда,
отъ начала и до нашего времени,—такъ и останется,—у
философіи былъ одинъ предметъ,—*конкретный*; предметъ
конкретной дѣйствительности! Это отличительная черта
философскаго знанія: *философское знаніе есть всегда и по су-
ществу знаніе конкретное и цѣльное*; въ этомъ прямой замы-
селъ и постоянное напряженіе всей философіи. Философія
не можетъ примириться съ частностью, съ абстракціей, съ
частичностью;—какъ требовалъ Платонъ, она направляется
на „всѣ“, на все въ его идеѣ, т.-е. она направляется *по
существу* на конкретное и цѣльное: *ἐν καὶ πᾶν*. Вотъ почему
съ философіей нельзя сопоставлять знанія спеціальнаго,
всегда частнаго и абстрактнаго; она можетъ быть сопо-
ставляема только съ такимъ знаніемъ, которое, подобно
ей, направляется также на цѣльное, полное, конкретное.
Какую бы тему, хотя бы частную, ни взяла философія, она
тотчасъ превращаетъ ее въ тему общую и принципиальную!

Но какъ же вышло, что въ философіи такъ много абстракт-
наго? Какъ вышло, что философію даже часто упрекаютъ
въ абстрактности или отвлеченности? И чтò важно, упре-
каютъ, повидимому, не безъ основанія...

Говоря о философіи, какъ о единомъ и внутренне свя-
занномъ цѣломъ, я имѣлъ въ виду разсмотрѣніе самой фи-
лософіи въ ея идеѣ, осуществленіе которой и составляетъ
положительную философію. Но нельзя игнорировать и го-
лосовъ отрицательной философіи,—„злодѣвъ“ ея драмати-
ческаго дѣйствія,—иначе изъ развитія философіи пришлось
бы выбросить Протагора, Канта, Кондильяка, Спенсера
и многихъ другихъ ея эмпирическихъ феноменовъ... Но какъ
же отличить отрицательную философію?

Здѣсь мы тщетно будемъ искать единства и преемствен-

ности традиции, всякій начинаетъ заново и съ отрицанія прошлаго и предковъ. Но когда на мѣсто отрицаемаго, тѣмъ не менѣе, ставится *свое*, то есть одинъ *общій* способъ нарушить философскую традицію: на мѣсто конкретнаго поставить абстракцію, на мѣсто цѣлаго—часть. И если оставить послѣдовательный философскій нигилизмъ, который, какъ такой, уже—не философія, то признакъ отрицательной философіи всегда—отвлеченность, это философія—отвлеченная. Нельзя отрицать важной роли въ цѣломъ философскаго развитія, которую играетъ отрицательная философія,—нерѣдко она ставитъ *новыя* проблемы и выдѣляетъ *новыя* стороны,—не слѣдуетъ только выдавать частное, частичное и отвлеченное за полное и цѣлостное: въ этой поддѣлкѣ—зло отрицательной философіи.

Но важнѣе, можетъ быть, для уясненія смысла положительной философіи другое. Философія не только есть знаніе, но также нѣкоторый *типъ очень сложнаго переживанія*, выходящаго далеко за предѣлы чисто-интеллектуальныхъ отношеній. Ея составъ въ этомъ смыслѣ опредѣляется чрезвычайно многообразными условіями. Здѣсь имѣютъ свое значеніе не только научныя понятія эпохи, но и ея предразсудки, ея заботы и волненія, ея настроенія, словомъ, все ея міровоззрѣніе. И весьма существенно, что этими настроеніями и взглядами весьма часто предопредѣляется не только содержаніе ея проблемъ, но также характеръ, форма и составъ ея познавательнаго предмета.

Въ свѣтѣ этихъ отношеній легко понять, какъ на вопросъ, что такое конкретное, мы получаемъ, сходныя по логической формѣ, но весьма несходныя по содержанію и смыслу, отвѣты. Въ цѣломъ это только лишній разъ свидѣтельствуется въ пользу существенно конкретнаго характера философіи, въ пользу ея стремленія разрѣшать свои проблемы въ связи съ цѣльностью жизни, но это же объясняетъ разнообразіе отвѣтовъ тамъ, гдѣ съ точки зрѣнія формалистическихъ ожиданій слѣдовало бы получить одинъ отвѣтъ, въ одномъ „всѣми раздѣляемомъ положеніи“...

Стоїть воспроизвести въ памяти, какъ философствовали Сократъ и Платонъ, чтобы убѣдиться въ конкретномъ характерѣ *ихъ* философскихъ проблемъ: тутъ проблемы берутся прямо изъ самой жизни, и послѣ тщательной діалектической обработки, возвращаются въ нее. *Res publica* есть конкретный предметъ этой философіи! Нужно имѣть это въ виду, чтобы понять также цѣлый рядъ своеобразныхъ методическихъ приѣмовъ, которые диктуются такого рода предметомъ. Я воспользуюсь только однимъ примѣромъ. Отрицательная философія достаточно приучила насъ къ своего рода „логическому матеріализму“ съ его всеобщимъ методологическимъ требованіемъ: сводить болѣе сложное къ болѣе простому,—физиологію къ физикѣ и химіи, психологію къ физиологіи, и даже соціологію къ біологіи, и пр. По истинѣ странной или парадоксальной съ точки зрѣнія такой принципиальной симплификаціи должна представиться попытка итти въ анализъ предметовъ изученія путемъ обратнымъ: класть въ основу, напр., „соціологію“... Логически и методологически это значило бы, вѣдь, признать основнымъ знаніемъ не наиболѣе абстрактное, а наиболѣе конкретное! Сколько примѣровъ и образцовъ біологическихъ и индивидуально-психологическихъ аналогій мы могли бы привести изъ современной философіи, но, вотъ, примѣръ Платона: онъ опредѣляетъ „справедливое“ въ *Res publica*, а отсюда только переходитъ къ отдѣльному чловѣку, ибо найденное на болѣе обширномъ цѣломъ легко усмотрѣть, по его словамъ, на отдѣльномъ чловѣкѣ. На нашемъ языкѣ мы сказали бы что здѣсь психологія „сводится“ къ соціологіи, а не соціологія къ психологіи, но это-то и есть объясненіе абстрактнаго черезъ конкретное, чести изъ цѣлаго!

Какъ бы ни было, древній міръ философствовалъ надъ *своимъ* содержаніемъ конкретного. Новая эра мѣняетъ это содержаніе, но также искренно и серьезно сосредоточиваетъ всѣ свои умственные силы на *своемъ* конкретномъ, которому оно даетъ и свое названіе—*Civitas Dei*. И не

трудно видѣть, какъ успѣхи естествознанія опять преобразуютъ содержаніе конкретнаго, и оно выступаетъ то какъ мертвая, но хорошо осязаемая матерія, то какъ живое и одушевленное начало,—тутъ по очереди и въ разбивку фигурируютъ матерія, духъ, душа, энергія, идея, монада, жизненный порывъ и т. д., и т. д. Civitas Dei перешла въ Regnum hominis, а самъ человѣкъ постигается тѣми многочисленными путями, по которымъ идетъ Interpretatio Naturae.

Но теперь, на склонѣ столькихъ вѣковъ, не возвращаемся ли мы къ тому пониманію конкретнаго, по которому наиболѣе полное, что только знаетъ наша жизнь, есть именно социальное. Но „социальное“ не момента только даннаго созерцанія, а обремененное всѣмъ прошлымъ: настоящее въ каждой своей части и во всемъ своемъ цѣломъ тяготящее протекшимъ, его всюду обнаруживающее и съ нимъ связанное міриадами нитей. Такое конкретное въ своей исчерпывающей полнотѣ есть не что иное, какъ *историческое*! И я думаю, такова, дѣйствительно, идея конкретнаго современной философіи...

Кромѣ своей всеобъемлющей полноты историческое характеризуется еще тѣмъ, что оно, какъ конкретное, мыслится необходимо въ движеніи и дѣйствіи,—такое конкретное по существу *динамично*. И вотъ, именно въ современной философіи иногда приходится слышать упрекъ по адресу философіи античной: античная философія, говорятъ, есть философія статическая, динамизмъ есть преодоленіе платонизма; новая философія началась съ того момента, заявляетъ популярный нынѣ философъ, когда Галилей пустилъ шаръ катиться по наклонной плоскости... Выводъ, который можно было бы сдѣлать отсюда, требовалъ бы, чтобы мы признали, что не только Платона, но весь платонизмъ, по нашему опредѣленію, всю положительную философію, слѣдовало бы характеризовать, какъ философію неисторическую!..

Такъ ли это? Не забываютъ ли въ этомъ противопоста-

влении коренного различія *условій* античнаго міровоззрѣнія и нашего?—различія условій, не исключающаго, однако, единства и тождества самаго предмета философствованія! Философія древней Греціи широко открытыми глазами прежде всего созерцала самое себя въ своемъ „настоящемъ“, она начинала съ *созерцанія*, и тутъ ея творчество было свободно и грандіозно; ея *память* не была обременена,—міръ для нея былъ свѣжъ и юнъ. Мы начинаемъ съ памяти, съ „преданій“, мы видимъ свой міръ сквозь „пыль вѣковъ“; „преданія старины глубокой“—для насъ подчасъ единственный источникъ; и всегда близкій, необходимый. Мы смотримъ на одно съ античнымъ міромъ, но *пáντα ῥεῖ* для насъ имѣетъ новое содержаніе и новый смыслъ: для насъ это—потокъ вещей и людей, трудовъ и дней, вѣковъ и народовъ. Потокъ, который проносится передъ *нашимъ* умственнымъ взоромъ, есть прежде всего *потокъ исторіи*.

И мы думаемъ, что это есть *наше* собственное приобрѣтеніе. Во всякомъ случаѣ, часто приходится слышать, что такая постановка философской проблемы есть особенность присущая нашему времени,—XIX вѣкъ, говорятъ, серьезно поставилъ проблему исторіи. И для этого онъ долженъ былъ порвать съ статическимъ представленіемъ древняго міра, создавъ міровоззрѣніе динамическое; онъ порвалъ съ рационализмомъ, постигая ирраціональное, порвалъ съ традиціонной логикой, утверждая права алогического, и т. д. И все-таки мы можемъ спросить: случайно ли, что идея „новой науки“ нашла себѣ геніальнаго выразителя въ лицѣ *платоника* Вико, что сознательная рефлексія объ исторической методологіи находитъ своего выразителя въ рационалистѣ Хладеніусѣ, что Гердеръ—лейбниціанецъ, что платоникъ Лейбницъ—динамистъ,—случайны ли всѣ эти и подобные факты?—Именно признаніе случайности здѣсь было бы показательнымъ отсутствіемъ историзма!

Но въ характеристикѣ XIX вѣка, какъ вѣка историческаго по преимуществу, вѣрно то, что наша эпоха, въ самомъ дѣлѣ, пришла къ *ясному* сознанію исторической про-

блемы. Въ этомъ смыслѣ наша философія становится по преимуществу *исторической философіей*,—и чѣмъ больше она будетъ проникаться идеей конкретного, какъ историческаго, тѣмъ болѣе она будетъ становиться исторической философіей.

Разумѣется, говоря о конкретности предмета, мы говоримъ еще слишкомъ мало. „Предметъ“ въ своемъ логическомъ значеніи есть только *неопредѣленный* „носитель“ многообразнаго содержанія, связаннаго въ одинъ узелъ въ нѣкоторомъ его осмысливающимъ центральномъ ядрѣ. Предметъ—это только нѣкоторый *пунктъ*, опредѣляющій направление нашихъ устремленій и изысканій. Необходимо выдѣлить въ многообразіи его содержанія, прежде всего, *типы* отношеній, которыя мы эмпирически характеризуемъ, какъ отношенія культурныя, правовыя, религіозныя и т. п.

Въ общемъ потокѣ исторіи мы различаемъ отношенія человека къ окружающему, которыя въ цѣломъ такъ же многообразны, какъ само это окружающее. Мы выдѣляемъ не только его отношенія къ „дѣйствительному“ міру въ ограниченномъ смыслѣ, т.-е. отношенія техническія, культурныя, познавательныя и под., но также устанавливаемъ, какъ специфическое, его отношеніе къ „сверхчувственному“, и говоримъ объ отношеніяхъ религіозныхъ. Наконецъ, мы выдѣляемъ отношенія человека къ человеку, какъ отношенія по преимуществу правовыя и нравственныя. Въ цѣломъ, мы замѣчаемъ, какъ изъ отношеній человека къ человеку возникаютъ отношенія группъ: классовъ, сословій, государствъ, и т. д. Мы узнаемъ, что всѣ эти отношенія подчиняются нѣкоторой опредѣленной формѣ, *формѣ организациіи*. И вотъ, изъ этого организующаго и организующагося потока исторіи мы извлекаемъ отдѣльныя вещи, отдѣльныхъ людей, отдѣльныя отношенія и связи,—и дѣлаемъ ихъ предметомъ своей рефлексіи и своего познанія. Мы уже призывали „вещи“ разрѣшать въ сложную систему отношеній,—не такъ съ „людьми“, и мы все еще склонны, поэтому, именно въ „человѣкѣ“ видѣть подлинный предметъ исторіи.

Существенно однако, что у насъ уже есть опытъ, мы уже научились и можемъ видѣть „предметъ“ въ отношеніяхъ. И тутъ-то и возникаетъ вопросъ: не такъ ли дѣло обстоятъ и въ историческомъ?

Что важно исторически: самый потокъ исторіи, или то, что несетъ въ его волнахъ?—Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ очень многое. Нужно научиться постигать этотъ потокъ въ его цѣломъ; нужно научиться не вылавливать изъ него части и частности, а умѣть охватить само подвижное цѣлое; нужно направить свое вниманіе на само историческое содержаніе...

Вотъ тутъ и встаютъ методологическія задачи историческаго познанія въ ихъ исключительномъ значеніи и всеохватывающемъ интересѣ. Здѣсь съ особенной остротой поднимается старое противопоставленіе многообразнаго и единого! И если мы не забываемъ, что философское рѣшеніе по существу своему есть рѣшеніе *конкретное*, то удовлетворитъ ли насъ привычное противопоставленіе чувственности и разсудка? Удовлетворитъ ли насъ то рѣшеніе, по которому отъ частнаго къ общему путь черезъ отвлеченіе, черезъ обобщенія содержанія? Развѣ не этимъ путемъ пришли въ современной философіи къ парадоксу, что, чѣмъ дальше отъ дѣйствительнаго многообразія, тѣмъ только ближе къ истинѣ? Но тогда еще съ большей, прямо-таки антиномической остротой, стоятъ другъ противъ друга: многообразное и единое въ ихъ конкретности! Конечно, въ основѣ, въ принципѣ, это—старая „антиномія“: опытъ и разумъ, зрѣніе и умозрѣніе...

Но дѣйствительно ли здѣсь антиномія, дѣйствительно ли здѣсь нужно выбирать, какъ между членами дилеммы?—Тутъ въ высшей степени поучительно вспомнить діалектику и исторію понятія *опыта*. Оно возникло и было поставлено въ центръ философскихъ интересовъ, какъ весьма здоровая реакція противъ словесныхъ формулъ въ пользу смысла и вещей. Но сколько въ немъ было притязаній на средство познанія, на то, чтобы быть орудіемъ мысли; оно съ

самаго начала требовало участія разума. Всякая попытка ограничить права и значеніе разума означала въ то же время ограниченіе и обѣднѣніе опыта; въ предѣлѣ minimum разума совпадаетъ съ minimum опыта,—таковъ, напр., сенсуалистическій феноменализмъ, ограничивающій все сознание данными чувственности, съ его угрюмой и тупой формулой: міръ есть комплексъ ощущений! Напротивъ, расширеніе содержанія „опыта“, прежде всего, за предѣлы ограниченной чувственности, въ нѣдрахъ самой философіи эмпиризма, доводитъ въ такъ называемомъ радикальномъ эмпиризмѣ до такого обогащенія понятія, гдѣ „опытъ“ просто отождествляется съ „переживаніемъ“. Опытъ теряетъ свои ограничительныя формы, и неизбѣжно приходится признать, что нѣтъ зрѣнія безъ умозрѣнія, что въ самомъ реальномъ переживаніи видитъ не „глазъ“, а „умъ“,—глазъ его послушное орудіе. И тѣмъ болѣе вступаетъ въ свои права и обязанности разумъ, чѣмъ болѣе мы хотимъ въ капризной и прихотливой смѣнѣ переживаній найти устойчивое и „тождественное“. Въ результатъ мы убѣждаемся въ совершенно всеобщемъ значеніи положеній: глазъ безъ разума смотритъ, но не видитъ, ухо слушаетъ, но не слышитъ, и вся научная логика захватываетъ добычу въ сѣти своихъ понятій, но не разумѣетъ захваченнаго...

Но если тѣмъ не менѣе, возстановливая права разума, наша логика справляется со всѣмъ этимъ, то не возникаютъ ли новыя и еще болѣе непреодолимыя трудности, когда понятіе *опыта* нужно расширить какъ будто далеко за предѣлы самаго переживанія?—Когда приходится констатировать, что для нашего разумѣнія „и камни глазъ пріяли“, когда и „прахъ дряхлѣющей вселенной“ есть прахъ „краснорѣчивый“, входящій, какъ необходимый составной моментъ, въ наше сознание?..

Невольно рождается вопросъ: не нуждается ли то конкретное, о которомъ у насъ идетъ рѣчь,—конкретное, какъ историческое,—не нуждается ли оно для своего познанія въ особомъ еще источникѣ познанія, который не есть